

НА БУКСИРЕ

ИСПОВЕДЬ (НЕ)НОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АВТОР
ВЛАДИМИР СОНИН

18+

Владимир Сонин

На буксире

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сонин В.

На буксире / В. Сонин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99434-8

Говорят, что мир сошел с ума... А если он никогда и не был нормальным? Да и что это значит – быть нормальным? Повесть-исповедь, повесть-признание, предельно откровенная и порой шокирующая история обычного человека, попавшего в необычные обстоятельства. Перед читателем раскрывается обнаженная правда жизни, рассказанная без прикрас и утайки, без лишней скромности и ложного стыда. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99434-8

© Сонин В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От автора	5
Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Сонин

На буксире

От автора

Произведение это, хотя и получилось относительно небольшим, писалось долго, года, наверное, два, с перерывами, и надо сказать, что не только моя как автора заслуга в том, что начатая когда-то рукопись приобрела законченный и, на мой взгляд, весьма неплохой вид.

Началось все совершенно случайно, с несерьезного обсуждения между мной и моей коллегой Натальей некогда работавшего у нас Анатолия, и моего заключения: «Да я про него книгу напишу!» Конечно, история вышла не точно про него, потому что о нем мы ничего толком не знали, а скорее выдумывали и шутили, но это и не важно. Главное, что начало было положено. На следующий же день я прислал ей первые две страницы, и она сказала: «Я бы такое прочитала. У тебя талант». Уж не знаю насчет таланта, да и текст потом я переделал почти полностью, но сама эта фраза меня сильно подбодрила, и я продолжил писать.

А дальше – два года: я то брался за работу, то прекращал ее, и кто знает, может, так и забросил бы не завершив, если бы не люди, которые говорили, что им нравится то, что я пишу.

Это Юля с ее фразой: «Второй раз в жизни захлеб читаю живого человека». Кто был первым, я не знаю, но и вторым в этом случае, кажется, быть неплохо. Это Инна, которая всегда говорила, что ей нравятся мои сочинения. Это Полина, которая, хотя и удаленно, послужила катализатором протекающих во мне творческих процессов.

Благодаря им, а также многим другим, работать я стал больше и лучше, за полгода сделал столько, сколько не смог за предыдущие полтора, и наконец закончил начатое.

Та мазня, которая на обложке, когда-то была нарисована мной, задолго до написания книги. Судя только по ней, можно попытаться провести некоторые параллели между мной и моим (не)нормальным героем. Однако здесь не нужно спешить. А впрочем, кто знает... Но сказать я хотел не об этом, а о том, что настоящую обложку из этого безобразия помогла сделать Зоряна, которой я за это очень благодарен, да и не только за это, а за поддержку в целом и веру в то, что когда-нибудь я займу свое место в литературе. И вот начал заниматься. А что, первая книга – уже результат! А на такой картинке, если что, я настоял. Она-то предлагала и получше.

Что касается собственно текста, то не был бы он таким, если бы не великолепная редакторская работа Вероники Давыдовой. Когда я прочитал отредактированную рукопись, я подумал, что это то же самое, что было... только в сто раз лучше. А когда я посмотрел на количество и качество сделанных правок, то понял, что работа была проведена серьезная и основательная.

Ну и, разумеется, особая благодарность моей жене Кате – прежде всего за то, что поддерживает меня во всех начинаниях, даже в таких далеких от моей основной профессии, как литературное творчество. А еще за то, что прочитала первую версию черновика и указала на места в тексте, которые стоило переписать или исключить, что я, собственно, и сделал.

Это, пожалуй, все, кто так или иначе, прямо или косвенно был причастен к написанию книги. Пишу это не с целью разделить ответственность за написанное, особенно за некоторые особо откровенные или жесткие сцены, но из стремления подчеркнуть и без меня известную прописную истину о том, что книга – плод труда не только автора, и поблагодарить всех, кто работал над книгой или оказал влияние на процесс ее создания.

Забавно вышло. Перечитал написанное и понимаю, что в моем списке благодарностей – только представительницы прекрасного пола. Совпадение или нет, но моему герою такое положение вещей точно понравилось бы.

Впрочем, пора уже мне заканчивать свою и без того затянувшуюся вступительную речь и передавать слово ему, Анатолию, чья история, честно говоря, даже меня не оставляет равнодушным.

Автор

Предисловие

Буксиром на медицинском сленге называется оксибутират натрия (бутират) – химическое вещество, представляющее собой натриевую соль гамма-оксимасляной кислоты, лекарственное средство, применявшееся и применяющееся до сих пор в неврологии, анестезиологии и психиатрии.

Благодаря ярко выраженным специфическим эффектам интоксикации нашел применение в немедицинских целях – для стимулирования психики ради получения удовольствия. Вызывает психическую зависимость. Действие бутирата заключается в сильном растормаживании психики, в результате чего случаи его употребления зачастую не ограничиваются наступлением эйфории с безудержным весельем, танцами, признаниями в любви независимо от фактического наличия таковой, спонтанными половыми связями и другими относительно безобидными результатами. Довольно часто наступают бредовые состояния, происходит параноидальное расстройство личности, приводящее к более серьезным последствиям и даже самоубийству.

При относительно длительном употреблении бутирата быстро развивается деменция или наркоманское слабоумие, иначе говоря, наступает разрушение мозга, сопровождаемое ослаблением памяти и ухудшением мыслительных процессов вплоть до полного отупения.

Глава 1

Однажды в понедельник, ровно два года назад, я пришел к выводу, что зачеркивать крестиками даты в календаре по меньшей мере бессмысленно. Неожиданно я осознал, что это глупое до безобразия занятие не дает ровным счетом ничего, кроме, пожалуй, приравнивания самого себя к заключенному, отбывающему срок. Удивительно, что раньше я тратил на это время, сам толком не понимая зачем, и был совершенно убежден в необходимости такого занятия, несмотря на то что всегда считал себя логически мыслящим человеком.

Понедельник – не самый лучший день для начинаний, как бы это ни было абсурдно, учитывая то, что именно с понедельника начинается неделя. Но тем не менее именно в этот день я снял со стены исчерканный крестами календарь и швырнул его в урну.

И это оказалось на удивление просто, гораздо проще, чем я предполагал. Дело в том, что избавиться от чего-либо сложно до тех пор, пока ты сам внутренне не можешь это отпустить, опасаясь последствий возможного избавления: эдакая вариация психической зависимости, только без химических веществ. Насколько я дорожил этими крестиками в календаре, которые отсчитывали мои дни без нее, настолько сложно было принять решение послать его ко всем чертям и отправить в урну.

А следом – люди. Чем они лучше этой бумаги? Разумеется, я имею в виду не физическое сравнение, иначе можно подумать, что я черт знает на что намекаю. Но если подразумевать исключительно моральный аспект, повторю вопрос: чем они лучше? Поэтому – все в урну.

В конечном счете, все устроено просто: хаос стремится к определенности, и любая система, которой не подходит тот или иной человек, от него избавляется. Проблема только в том, что один человек не может представлять всю систему. Создать – может, но представлять – нет. Даже до того, как выбросить тот проклятый календарь, я должен был его откуда-то взять. Это была система, наша с ней система. Была, но развалилась. И пойми я раньше, что только такой и может быть ее судьба, возможно, поступал бы иначе. Но человек, к сожалению, существо глупое и учиться может только на собственных ошибках.

Гораздо позднее, когда одна подруга меня спросила, как случилось, что я так хорошо могу понимать некоторые вещи, я ответил, что в моей жизни однажды наступил момент, когда мне пришлось в полной мере расплатиться за свое непонимание, и расплата эта была весьма неприятной. Немало времени прошло, прежде чем я понял, что это был совершенно справедливый и ожидаемый результат. Я до сих пор не знаю, почему она задала этот вопрос: потому ли, что действительно считала, будто я кое-что смыслю в определенных вещах, или просто из лести, а быть может, в ее вопросе таилась издевка, – как бы то ни было, ответил я ей совершенно серьезно. Подругу эту, кстати, зовут Маша, и речь в этом повествовании пойдет в том числе и о ней.

Продолжая мысль, добавлю, что проблема многих, и прежде всего талантливых, людей состоит в том, что они, наделенные этими самыми талантами, думают, будто не нуждаются в остальных и смогут достичь чего захотят только благодаря собственной уникальности и неповторимости – и, в конечном счете, ломают себе шею. Они стремятся избавиться от всего ненужного, еще ничего толком не имея, и не замечают этой главной своей ошибки из-за самонадеянности. Глупость, не правда ли? Пожалуй, со стороны это действительно кажется глупостью – но лишь до тех пор, пока, сам того не замечая, не окажешься в подобной ситуации, опомнившись только тогда, когда от тебя избавились или когда сам избавился от всех вокруг и остался один на один с пустотой.

Красоту, я полагаю, тоже следует считать талантом.

Глава 2

Ощущение влюбленности проходит, и остается действительность – картина, схожая с весенним таянием снега в наших краях. Здесь я вполне отдам себе отчет, что с ее стороны это было именно так. А с моей? С моей – нет.

И в самом деле, даже сейчас, спустя время, я не совсем еще способен разобраться в тех своих ощущениях. Вероятно, уже и не смогу. Но с другой стороны, если уж говорить честно, из-за сомнений я даже мысли не допускал, что могло быть иначе, чем вечная любовь и все такое прочее... А оказалось – могло. Могло случиться так, что однажды от меня просто избавились.

А потом я повесил на стену календарь и начал зачеркивать даты крестиками. Тогда, правда, казалось, что этим я все закончил; что это действительно был конец – конец нашему миру и конец моей жизни. Можно сказать, что я вел себя как идиот, и оказаться совершенно правым, но где уверенность в том, что другой на моем месте не чувствовал бы то же самое? В том-то и дело, что уверенности никакой нет и быть не может.

Потом, и я знаю это наверняка, ребята на работе между собой стали звать меня Толиком-алкоголиком, и, надо сказать, не без оснований. Во-первых, любое событие, даже тщательно скрываемое, рано или поздно становится явным и обрастает подробностями в виде пакостных слухов. А во-вторых, не исключено, что основанием для такого прозвища стали некоторые изменения в моей внешности. Разбирающимся людям эта едва заметная красная паутинка, покрывающая лицо и особенно область носа, может многое поведать о деталях образа жизни человека за пределами работы. Наверное, выдавали и глаза... Впрочем, здесь, может быть, я выдумываю лишнее, как это часто бывает, когда находишься в ситуации неопределенной и даже дурацкой. Может быть, на моем лице и не было ничего подобного, но когда все так, чего только не начнешь думать.

А с другой стороны, что скрывать? Я бухал. Бухал как дьявол. Каждые выходные меня носило по кабакам и подворотням как опытного забулдыгу, и все только для того, чтобы потом после выходных, в понедельник, я мог зачеркнуть сразу две клетки – сразу два дня в том календаре.

Это нужно было постараться – в двадцать пять лет дойти до посещения кабака «Последний приют», где собирался всякий сброд, имеющий деньги исключительно на выпивку самого отвратительного качества, произведенную неизвестно из чего. Вкус у этого пойла был такой, словно это была настойка пластмассы на спирту, и разливали его, не иначе, из какой-нибудь пластиковой канистры, на дне которой непременно плавал чей-то грязный, неаккуратно остриженный ноготь. Конечно, была у них водка и в бутылках: для самых обеспеченных (и, скорее всего, новоиспеченных) посетителей заведения и с целью продемонстрировать, что здесь подают легальные напитки.

Полиция (или, как тогда называли, милиция) частенько заглядывала в эту клоаку, потому что, во-первых, работа по их части обнаруживалась там нередко, а во-вторых, они наверняка использовали эту дыру как источник определенного дохода. Конечно, они знали, что по большей части там наливают не столько то, что выставлено в бутылках, сколько то, что стоит в сомнительной таре под прилавком. Вне всякого сомнения, подобное заведение нельзя было оставлять без присмотра – во всех смыслах этого слова. Сброд здесь скапливался отменный, да иначе и быть не могло, потому как цель посещения была только одна – основательная примерка синего халата. Некоторые преуспевали в этом настолько, что спустя десять минут после прихода в заведение уже едва могли дойти до стойки, чтобы взять себе добавки.

Некогда считавший себя подающим надежды и имеющим великолепные жизненные перспективы, теперь я просыпался по утрам с отвратительным привкусом во рту и туманом в голове. Подобное ощущение, которое, скорее всего, хотя бы раз в жизни доводилось испыты-

вать каждому (за исключением, пожалуй, моего папаша, но это отдельная история), наверняка знакомо и тебе, читающему эти строки, и счастливый ты человек, если это не так (при условии, что ты не мой любимый папочка). Вся «прелесть» ощущений в этом состоянии заключается в том, что при повороте головы ее внутренности, то есть мозги, двигаются с неким запозданием, более медленно, чем черепная коробка, словно они превратились в какую-то плотную жижу вроде киселя. А кроме того – глаза. Этим двум обмылкам, в которые добавили песка, утром требовалось не меньше двух часов, чтобы прийти хоть в какое-то подобие нормального состояния. Знала бы бабуля, проводившая большую часть своей жизни у плиты, какое варево бывало в моей голове по утрам, – удивилась бы гениальной простоте рецепта. Но кто-то и в семьдесят не поймет того, что иной понял в двадцать.

Подобный образ жизни не только не исключал, но, разумеется, даже способствовал тому, что иногда я попадал в совершенно отвратительные и даже опасные ситуации. Один раз я проснулся разбитый как никогда, причем, как вскоре выяснилось, разбитый в прямом смысле этого слова. Это был как раз тот случай, когда уместнее всего употребить выражение «нашел себя». Я нашел себя дома утром с чудовищной (то есть гораздо более сильной, чем обычно) головной болью, посиневшей левой половиной лица и небольшой ранкой на скуле, из которой сочилась кровь. Я смотрел в зеркало, оскверняя его жестким, до сих пор алкогольным дыханием, на свое обезображенное лицо, и память судорожно пыталась восстановить произошедшее.

Была пьяная ссора в том проклятом кабаке, какие-то крики, затем удар по моему лицу чем-то тяжелым, возможно пивной кружкой, но не могу утверждать это наверняка, затем опять выпивка – и больше ничего. Немного придя в себя, по крайней мере до состояния, при котором я был способен передвигаться на хоть сколько-нибудь значительное расстояние, я пошел в больницу. И все бы, наверное, закончилось лучше, если бы не наша доблестная медицина, или, может быть, отдельная доблестная личность того врача, который мной занимался и который сразу не проникся ко мне расположением. Впрочем, тут, наверное, следует сделать скидку на то, что я был в таком состоянии, которое явно не могло вызвать симпатии, и, вероятно, это мое состояние, если поставить его на весы против даваемой врачами клятвы Гиппократова, перевесило бы, несмотря ни на что. Короче говоря, мне сделали снимок и отправили домой, сказав, чтобы я не переживал, потому что это просто синяк, который скоро пройдет сам собой.

Я ждал несколько дней, около недели, наверное, но по большому счету состояние моего лица оставалось прежним. Синяк, правда, слегка уменьшился, но кровь так и сочилась, и вообще было не слишком похоже, что все в порядке. В другой больнице, куда я решил съехать через неделю, сделали снимок и, удивившись действиям своих коллег, сообщили, что скула у меня раздроблена и уже начала срастаться неправильно, поэтому мне срочно требуется операция. Как оказалось, нужно было не только восстанавливать челюсть, но и ставить имплантат – пластину или что-то в этом роде. Наркоза для меня не пожалели, так что после операции я спал еще часов двенадцать, а проснувшись, едва не заблевал всю палату и потом еще целый день литрами пил воду. Я говорил себе, что это все-таки лучше, чем без наркоза вообще.

То ли сыграла роль моя бесхарактерность, то ли полное безразличие к собственной персоне, но ни сам факт пребывания в больнице, ни прием лекарств, ни что бы там ни было еще серьезно не повлияли на мою пагубную привычку: поскольку у пациентов был свободный режим передвижения, а персоналу было плевать, нахожусь ли я в больнице, ушел ли я, пришел ли, – я мог свободно после обеда, а иногда даже с утра, прогуляться до пивной неподалеку и облегчить свою участь ста граммами горькой жидкости. Разумеется, я не напивался основательно, а, скорее, подбадривал себя этими небольшими приемами. По правде сказать, даже если бы я напился до крайности, мне кажется, что этого бы и не заметили, а если бы я умер в этой больнице, то заметили бы только дня через три, когда мой труп начал бы подавать харак-

терные признаки – разлагаться и вонять в жару на все отделение. Утрирую, конечно, но есть во всем этом что-то грустное. Хотя к черту сантименты!

Конечно, случай этот скорее из ряда вон выходящий, но справедливости ради следует сказать, что в той или иной мере именно такой была моя действительность: однообразная и безобразная, оторванная от действительности настоящей, повторяющаяся изо дня в день, и бог знает что могло случиться, если бы не она.

Глава 3

Если бы не она – та, которую я уже упомянул в начале рассказа, Маша, – я бы точно (и скорее рано, чем поздно) закончил свою жизнь около того проклятого кабака, захлебнувшись собственной блевотиной. Думаю, не самая приятная смерть, если только смерть вообще может быть приятной. Но лучше уж что-нибудь другое, и в этом чем-то другом наверняка будет больше романтики, чем в этом. Если уж на то пошло, даже пуля в висок выглядела куда более привлекательной, и, надо признаться, я вполне серьезно об этом думал. Но одно дело – думать, совсем другое – совершить. И вопрос здесь даже не в отсутствии возможности, а именно в том, что останавливает всегда и всех, – страхе.

И если бы не эта подлая трусость, давно уже мог бы я взять папочкино ружье и снести себе полголовы. Так что возможность у меня была, но мешала всему трусость, на которую находилось верное средство – алкоголь. И стоило выпить, как желание умирать уже переставало быть таким сильным и даже настроение иногда улучшалось. А потом – утро, дерьмо, страх, и все заново.

Ружье это в два ствола папочка мой использовал для охоты на уток пару раз в год, когда ему было до этого дело, если учесть особенности его мировосприятия. Удивительно вообще, каким образом он умудрился получить разрешение на оружие. Хотя, может быть, разрешения этого вовсе не было. По крайней мере, я его ни разу не видел. И, кстати говоря, я понятия не имею, откуда это ружье у него взялось. Вряд ли оно досталось от бабушки: хоть я и не особенно разбираюсь в оружии, все же могу заключить, что оно относительно современное, изготовленное не более двадцати лет назад.

Говорят, если на стене висит ружье, то оно обязательно выстрелит. И оно выстрелило. Дважды. Но об этом позже.

С ней я познакомился на моей новой работе (надо ли говорить, что с предыдущего места меня выгнали после затянувшегося больничного из-за того случая в кабаке?), и причина этого знакомства была проста до безобразия: мы работали в одном кабинете. Кабинет этот был рассчитан на два рабочих места, которые мы и занимали: одно, у окна, – она, другое, в углу возле двери, – я. Находясь в одном помещении, два человека, независимо от того, что у них на самом деле на душе, даже если там полное безразличие ко всему, и к людям в первую очередь, волей-неволей начинают общаться, и едва ли можно предвидеть, к чему это общение приведет.

Она устроилась немногим раньше меня, и сам этот факт того, что в этой конторе мы оба были людьми новыми, в какой-то мере нас объединял. Сначала меня несколько удивляло то, что двух новых сотрудников посадили вместе в отдельную комнату, но, в конце концов, для меня, как, думаю, и для нее, это не имело никакого значения. Первым делом я достал свой календарь с крестами, который забрал с прошлой работы, и повесил на стену. Она посмотрела на него с выражением удивления и вопроса, но ничего не сказала. Впрочем, она вообще никогда ничего на этот счет не говорила.

По понедельникам я иногда рассказывал ей про свои выходные, и она, слушая, старалась сохранять на лице равнодушное выражение, что было весьма благородно с ее стороны, потому как сквозь это напускное равнодушие я мог ясно разглядеть отвращение. А может быть, мне просто так казалось, потому что я, признаться, и рассказывал-то ей обо всех своих похождениях с одной только целью – вызвать омерзение, заставить ее чувствовать по отношению ко мне то же самое, что я сам чувствую по отношению к себе. Возможно, это с трудом поддается объяснению, и мне неизвестно, делает ли так каждый, но я ощущал потребность с кем-нибудь разделить мое отношение к себе, и этим кем-нибудь, скорее всего по той простой причине, что просто часто находилась рядом, стала она.

Глава 4

Карьера ее на прошлой работе перестала иметь всякие перспективы после того, как она заявила своему руководителю, что он ассоциируется у нее с бутылкой. И дело было бы не так паршиво, если бы она сказала это, находясь с ним наедине, а не в присутствии десяти сотрудников. Хватило же соображения! Кстати говоря, впоследствии меня не раз еще удивляла эта ее резкость, вернее, какое-то неумение держать в себе то, что нельзя обнажать, сыгравшее с ней потом злую шутку.

Если бы она сказала нечто подобное мне, я бы скорее даже порадовался, потому что это, в сущности, было бы правдой, а я люблю, когда говорят правду, – или, по крайней мере, делаю вид, что люблю. А он, будучи, возможно, совсем не мстительным, после этого случая (хотя я не исключаю, что были и другие, о которых она мне не рассказывала) решил, что ее карьеру следует слегка притормозить, и переключил свое внимание на других, чем, собственно (сознательно или нет), предопределил ее дальнейшие поступки.

Она же хотела карьеры (а может быть внимания, но это уже, скорее, мои домыслы), и, разумеется, наступившее ввиду сущей нелепицы противоречие требовало разрешения. А разрешиться оно могло только одним способом – сменой работы.

Родившиеся и выросшие в маленьких городах и деревнях, иначе говоря в глухой провинции, зачастую сильно превосходят в карьерных устремлениях жителей больших городов и особенно столиц. Изнеженные и манерные столичные обитатели часто мало на что способны, кроме как впустую тратить время. Они напоминают податливый пластилин, мнущийся под пальцами при малейшем нажатии. Вялые и меланхоличные, единственным местом выражения хоть каких-то чувств они считают только постель. Я помню как она – та, из-за которой, собственно, и началось это все, – не способная к созиданию днем и тратящая время на занятия, бестолковые настолько, что теперь я едва могу о них вспомнить, и представляющие собой только иллюзию деятельности, ночью выплескивала всю свою энергию, умоляла меня ее связывать и наказывать за какие-то проступки, которые, впрочем, как потом выяснилось, не были просто фантазией. Если я не упомянул до сих пор ее имени, то только потому, что хочу вспоминать его как можно реже, и даже произносить его мне почему-то сложно. Звали ее Оксана.

Моя же новая знакомая, Маша, родившаяся и выросшая в городе Г-ске, который иначе как захолустьем не назовешь, отличалась таким стремлением к построению карьеры, что с первых же дней я мог поспорить, что она весьма сдержанна в постели. Такие натуры, страстные в жизни и умеренные в близости, по роковому стечению обстоятельств редко когда могут вызывать у мужчин такую дикую тягу и привязанность, как те, первые, с их томным взглядом днем и безбашенными безумствами ночью. Впрочем, здесь я говорю о своих впечатлениях, возникших именно тогда, когда мы с ней познакомились, а потому детальное рассмотрение этого вопроса в отношении Маши пока оставим до наступления последующих событий, о которых пойдет речь дальше.

По мере того, как я по понедельникам рассказывал ей истории своего омерзительного времяпрепровождения на выходных, она понемногу рассказывала о себе. Уж не знаю, что вообще заставляло ее общаться со мной: безвыходность, интерес или что-то еще, – но через какое-то время я уже имел некоторое представление о ее жизни.

Несмотря на затертую фразу Ницше: «То, что не убивает меня, делает меня сильнее», – неудавшиеся отношения сильнее не делают. А если и делают, то не сразу и тем более не в том нежном возрасте, когда они возникают в первый раз. Ее история первой любви, по сути такая же, как и тысячи других историй, похожих, как близнецы-братья, но уникальных по словам их участников, не представляла ничего особенного. Подробностей, конечно же, она не рассказывала, но я сам их додумывал, кажется, даже получая от этого какое-то удовольствие: поцелуи

в подъезде, в его машине или в трамвае, первый секс – наверняка не особо удавшийся и даже дурацкий, но, благодаря замечательной способности памяти приукрашивать желаемое, приносящий впоследствии гораздо больше удовольствий в виде воспоминаний о нем как о чем-то возвышенном. Короче говоря, с яркостью моей бурной фантазии (здесь привет папе) я без труда представлял с ней в главной роли все то, что со временем у людей, по мере превращения их в законченных циников, вызывает только снисходительную улыбку.

Мама ее, целеустремленная и наверняка порой выходящая за рамки дозволенного в вопросах достижения своих целей, по сути, не имела иного выбора, кроме как обрести сильные, скорее мужские черты характера. Виной этому был ее муж – непоследовательный в своих решениях и действиях, не обладающий твердостью, любящий выпить если не неудачник, то человек, не сумевший себя реализовать. Вот, собственно, и все, что можно сказать о ее семье.

Жила она в городе на съемной квартире, на работу ездила на трамвае, читала книги о психологии, мотивации и прочем в таком роде, пытаясь понять, что движет людьми и как этими людьми, в свою очередь, двигать.

Глава 5

Папа мой спятил, когда мне было десять. Не знаю точно, когда именно у него это началось, да уже и не помню в полной мере его причуды, а те, что помню, – как-то поверхностно, без деталей. Хотя что касается этого дела, то тут детали важнее всего: какие-то нелепые, нехарактерные и несвоевременные движения руками, слова, произносимые с не соответствующей случаю и содержанию интонацией, проявление эмоций, не отвечающих ситуациям, – словом, все то, из-за чего окружающие считают человека будто бы не от мира сего.

Может быть, как раз благодаря вниманию к деталям мне кажется, что в нашем окружении более или менее странные люди встречаются довольно часто. Не исключено, конечно, что в каком-то смысле я вижу то, что хочу или могу видеть, но, в каком бы обществе я ни находился, обязательно встречаю таких. Сам этот факт, конечно, может натолкнуть на рассуждения относительно моей собственной нормальности, но здесь, благодаря папочке, я готов согласиться с какой угодно точкой зрения.

В этом отношении новая работа не была исключением, и я сразу обнаружил здесь пару чудачков.

Один, не иначе, был убежден, что если с кем-либо и стоит общаться, так это со стаканами. Накапливая грязные стаканы с понедельника, он, вдохновленный предстоящим разговором, приходил с ними в туалет, клал их в раковину и начинал тщательно, не торопясь их мыть. Вероятно, этот ритуал служил и поводом, и оправданием его отлучки с рабочего места. Действительность его, как, впрочем, и любого человека, требовала создавать поводы и оправдания, стараясь не выдавать причин. Ибо зачастую причины, о чем бы ни шла речь, окружающим могут показаться странными, и я бы даже согласился, что причина имеет право быть странной. Но конкретно этот случай со стаканами, вернее с истинным основанием для их накопления и приноса в раковину один раз в неделю по пятницам, вряд ли может быть нормальным, хотя я ни на чем не настаиваю.

Звали его Антон Николаевич Сроп. Лет ему было за пятьдесят, ростом он был ниже среднего, пузатенький, но не жирный, двигался как-то суетно, будто всегда спешил, и всем своим видом изображал бурную деятельность. Что касается этой его деятельности, то существовала она, только когда он шел по коридору, чрезвычайно чем-то озабоченный и торопящийся, общался с сотрудниками других отделов и, само собой, когда что-то докладывал начальству. Но стоило увидеть его расслабленное туловище на рабочем месте, чтобы окончательно убедиться: вся его суета напускная, нелепая и не имеющая ничего общего с его реальной действительностью. Реальная же его действительность была, как я понял однажды и убеждался неоднократно позднее, весьма своеобразна.

Случилось так, что я, сидя в том же помещении, то есть в туалете, за закрытой дверью одной из кабинок, стал невольным свидетелем их (вернее его) разговора. Он рассказывал стаканам, а заодно и мне, всю правду об инопланетянах. Вряд ли имеет смысл приводить здесь весь монолог, тем более что большую его часть мне пришлось бы придумать: взаимосвязи и выводы были настолько неоднозначными, что любому непосвященному человеку, в том числе и мне, показалось бы, что их не существовало вовсе, а воспроизвести текст в этом случае представляется практически невозможным, если только не запоминать слова буквально. Из того, что я действительно запомнил, – это, пожалуй, три, вернее два с половиной, факта. Первый: инопланетяне существуют и давно живут на Земле среди нас. Второй: инопланетяне живут в траве. И еще половина факта: у них есть какие-то политические взгляды (то ли левые, то ли правые, то ли анархические, то ли еще какие-то). Именно из-за того, что этот третий пункт оказался мной не вполне понят, считаю его за половину факта.

Остальное в моей памяти почти сразу превратилось в отдельные обрывки мыслей вроде: прилетели, давно, флаги, ходят, не ходят, корабль, давно, захватить, думают, давно, флаги... И так далее. При этом они (Сроп со стаканами) явно искали пути для решения этой проблемы, потому что кроме упомянутых аспектов звучали также угрозы: «мы им еще», «у них нет выбора»... И все в таком роде. В чем, собственно, заключалась проблема, мне судить сложно, но я сделал заключение, что им всем (ему и стаканам) она известна давно и, надо думать, была обозначена на одном из их первых совещаний.

Тогда, сидя за дверью, я не имел желания прерывать эту дискуссию и терпеливо дожидаясь ее окончания. Тема показалась мне очень щекотливой, и я, признаться, попросту стал опасаться, что если они узнают, будто я стал невольным свидетелем происходящего между ними разговора и принятых решений, то могут неверно это истолковать и предпринять какие-либо (возможно, небезопасные для меня) действия.

Это был первый чудак, фигуру которого с тазиком в руках, полным грязных или чистых стаканов, каждую пятницу можно было обнаружить в коридоре, ведущем в туалет.

Второй чудак с фамилией Перевогин всем подряд рассказывал о своих любовных похождениях, рисуя себя в этих делах специалистом высокого класса, сумевшим, по его словам, добиться взаимности от каждой из интересующих его дам в нашей конторе.

Он относился к тому типу людей, которые во время разговора приближаются к собеседнику гораздо сильнее, чем допускается этическими нормами. В результате складывалось впечатление, что если пока еще он не залазит собеседнику в трусы, то по крайней мере намеревается это сделать. Именно такое ощущение возникало у меня, особенно в совокупности с его манерой говорить, раздражающе вкрадчивой и от этого противной. Усугублялось впечатление его мерзким запахом изо рта – то ли из-за курева, то ли из-за гнилых зубов, – и при разговоре иной раз я себя еле сдерживал, чтобы не опорожнить желудок прямо ему на ноги, хотя, по правде говоря, сделал бы это с удовольствием, если бы не рамки приличия.

Все противоречие состояло в том, что вряд ли эти факторы, равно как и его совершенно нелепый свитер и дурацкая борода, могли способствовать его успеху у дам. Единственное, что могло в нем заинтересовать женщин, – возраст. Было ему слегка за тридцать – пожалуй, как раз тот период жизни, когда мужчина, если он хоть в чем-нибудь преуспел, может с гораздо меньшими усилиями стать привлекательным для женщин, чем, скажем, в восемнадцать, потому что к тридцати он уже не похож на того общипанного цыпленка, каким был десять лет назад. Но в случае с Перевогиным оговорка насчет возраста и успешности весьма значима: если к тридцати твое единственное приобретение – стойкая вонь изо рта и нелепый внешний вид, то пиши пропало, можешь рассчитывать разве что на тухлятую старушку с плохим обонянием, но с еще сохранившимся почему-то стремлением к телесному контакту. Впрочем, я утрирую, поскольку и многие дамы, разменявшие третий десяток, могут похвастать лишь наличием пары детей вне брака или в бывшем браке, перенесенными венерическими заболеваниями, пристрастием к алкоголю или наркотикам, отсутствию всяческих устремлений, кроме тяги к примитивным удовольствиям, которая, собственно, и принесла им все вышеперечисленное.

Так что на самом деле поле деятельности у Перевогина было широким, но его проблема, по всей видимости, заключалась в том, что свою деятельность он вел просто не на том поле, нелепо направляя свой похабный взгляд в сторону чистых и даже нетронутых созданий, оскверняя их своим прогнившим дыханием.

Зачем он стал заговаривать со мной, когда мы случайно встречались в коридоре, я поначалу не понимал, тем более учитывая полнейшую бессодержательность такого общения. Запомнился один случай, когда встретились мы вот так, в коридоре, и он принялся рассказывать что-то неинтересное и, кажется, даже мерзкое – теперь уже не вспомню, о чем именно. Мимо нас прошла девушка, молодая, красивая, по виду студентка или только окончившая институт, в юбке, на каблуках, так что я невольно засмотрелся. Перевогин, стоявший и без

того близко ко мне, подошел еще ближе и в самое ухо прошептал, обдавая мою кожу своим горячим и пакостным дыханием:

– Катя. Дочь С-ва. Говорят, еще целка.

Вскоре он повадился заходить в наш с Машей кабинет и своими нелепыми разговорами или еще более нелепым молчанием отнимать время у нас двоих, или, вернее, троих, если считать и его. Располагался он обычно на стуле около стола Маши и пыхтел на нем, то излагая свои никому не интересные и пустые мысли по тому или иному вопросу, то слушая нас с великим вниманием, если разговаривали мы.

Через какое-то время я узнал, что обсуждаемые нами с Машей вопросы в несколько измененном виде очень скоро становится достоянием всего коллектива. Позднее Перевогин, вероятно, стал полагать, что имеет все основания заявлять о том, будто переспал с ней, и при случае с энтузиазмом рассказал об этом некоторым коллегам, утверждая, что в качестве доказательства может продемонстрировать отпечатки каблуков на его столе, где будто бы и совершалось действо, и несколько ее черных волос, которые он якобы собрал со стола по окончании.

Все это дошло до меня в виде слухов, но через некоторое время я, как говаривали в старину, имел честь выслушать подробности этой связи от самого героя. Якобы он усадил ее на стол, не снимая туфель и не раздевая до конца... Нет желания передавать здесь его рассказ, тем более сейчас я уже не столько помню детали самого повествования, сколько свои ощущения от представления того, как он расстегивает платье, чтобы освободить ее грудь, трогает ее своими отвратительными руками, целует своим пакостным ртом, опускается ниже, и так дальше, до самого конца, до завершения ритмичного стука каблуков, оставивших следы на поверхности стола...

Вот только каким образом каблуки могли там оказаться? Как ни вертел я в своем воображении картины соединения их тел на небольшом офисном столе, никак не мог решить эту задачу. Тут одно из двух: либо они оба были серьезно подготовленными акробатами, либо утверждение его никаким образом не могло соответствовать действительности. Акробатами они явно не были.

Глава 6

Вспоминая этих чудаков, я отвлекся от повествования о моем папе, которое начал до того, как речь зашла о них. Наследственность или что-то другое (вероятно наркотики) сыграло роль, я не знаю, но к тому моменту, как мне исполнилось десять, рассудок его помутился окончательно, и если до этого все его выходки воспринимались скорее как причуды, то в один момент стало ясно, что это однозначный диагноз. Но в чем ему надо отдать должное, так это в наличии безупречного вкуса, который он не то что не утратил, но даже чрезвычайно развил, кажется, чтобы завершить свою жизнь феерично. Но об этом немного позже.

Ему было восемнадцать, когда они с моей мамой решили сделать ребенка. По правде говоря, «они решили» – громко сказано, потому как в таком возрасте обычно решают не люди, а их органы, обстоятельства и отсутствие всяческого соображения насчет возможных последствий, когда желание заполнить пустоту внутри затмевает все, а в результате появляются детишки вроде меня. Не исключено, что занимались они этим под воздействием крепких напитков или чего-нибудь другого, потому что в результате получился именно я.

Мама моя, насколько мне известно (отчасти из ее собственных рассказов, отчасти по моим наблюдениям), не отличалась примерным поведением, и потому на деле вполне могло оказаться, что моим отцом мог быть не мой папаша, а какой-нибудь другой красавец из маминского окружения или случайный кавалер на одну ночь. Впрочем, сам я склонен думать, что отцом моим был все же тот, кого я называю отцом, потому что в некоторых моментах мы с ним схожи, особенно, и я с трепетом это отмечаю, способностью видеть мир немного иначе.

Уж не знаю, насколько моя мать была привлекательной в тот период, когда юные поклонники по очереди трудились с ней над тем, что в итоге удалось сделать моему папе, но в более поздние времена она казалась мне женщиной от природы красивой, но потрепанной многочисленными связями, и потому внешность ее, лишенная необходимых для привлекательности признаков чистоты, была скорее даже отталкивающей. Судить о красоте по фотографиям, на которых, надо сказать, она была красива, полагаю, гораздо меньше смысла, чем по рассказам и собственным выводам – ввиду того, что красота на картине и красота в жизни есть вещи разные, далеко не всегда соответствующие друг другу. Вообще, ребенку сложно оценивать родителей, прежде всего из-за неизбежной привязанности к ним и особого отношения, даже независимо от поведения и истинных чувств самих родителей. Но с годами такая способность все же развивается, и теперь, кажется, я могу смотреть на своих родных достаточно отстраненно. Не исключено, что, говоря об этих скорее отталкивающих признаках богатого, как это называют, опыта во внешности моей матери, я выдаю желаемое за действительное, приписывая ей черты, навеянные собственным воображением, но со мной это часто бывает. Порой я смотрю на людей, пусть молодых и красивых, и, кажется, вижу все количественное разнообразие их интимной жизни. Возможно, все это чушь собачья и имеет так же мало отношения к действительности, как мир моего папы в последний год его жизни, но здесь я почему-то верю в истинность своих ощущений.

При виде Маши в моем воображении не возникал ее образ в связях с многочисленными партнерами, и хотя она намекала на кое-какое разнообразие в личной жизни, которое вполне могло быть на самом деле, я в это почему-то не верил. Я больше верил в скрытое и скрываемое одиночество, а еще – в многочисленные попытки, в подавляющем большинстве безуспешные, это одиночество разбавить. Такие люди, все неприятности которых заключаются в слабой способности притягивать, но склонности притягиваться, похожи на маятники, вечно колеблющиеся, но колебания эти скрывающие.

Другое дело – личности вроде моей мамы. Ей даже не надо было прилагать усилий, чтобы поклонники появлялись стремительно и вроде бы ниоткуда, через самое короткое время гото-

вые на самые нелепые безумства. И если начинались отношения сами собой, скорее по воле природы, то их продолжительность целиком и полностью зависела от ее решения, пусть и предсказуемого. Связи ее были короткими и разрывались без колебаний, несмотря на все непостоянство, неудовлетворенность и даже страдания.

Глава 7

Удивительно вообще, что семья наша просуществовала, пусть и скорее формально, так долго. Они женились, когда я уже был в ее животе, и, как красиво говорится, она шла к алтарю, а по-нашему в загс, со следами на белье того, чем с ней накануне всю ночь до утра, пока мой папочка блаженно спал у себя дома, делился ее новый красавец-друг, что, разумеется, уже не могло исполнить своего природного назначения, потому что в ней был я. Уже тогда из-за меня начал нарушаться естественный ход событий в жизни как минимум двух человек, и стоит ли поэтому удивляться, что я столь часто слышал это «из-за тебя» после появления на свет. Упомянутая подробность их бракосочетания была чем-то вроде семейного достояния, которое папа демонстрировал во время их ссор, надо сказать, частых и громких. Каждый раз он принимался упрекать мою мать именно за это: не потому, я убежден, что это был единственный повод, но потому, что подобное было действительно из ряда вон выходящим – если, конечно, случилось на самом деле. Всякий раз отец как будто снова и снова удивлялся, до какой степени низости она должна была дойти, чтобы сделать такое.

«На тебе были трусы в чьей-то вонючей сперме!» – яростно визжал он.

Она же, в начале ссоры говорившая, что он чокнутый безумец, в конце взбешенно дразнила его чем-то вроде:

«Да! Да! Он трахал меня всю ночь, как настоящий мужик, пока ты, придурок, спал!»

Удивительно, но каждая их ссора, в сущности, разыгрывалась по одному и тому же сценарию на основе именно того случая, реального или явившегося плодом фантазии моего папы. Что касается других подобных эпизодов, то они определенно были, и весьма часто.

Жили мы всегда, как я понял позднее, на съемных квартирах, которые то и дело менялись по не вполне понятным мне тогда причинам. Наверное, именно поэтому, а также ввиду специфики отношений моих родителей, то самое «чувство дома», часто присущее другим (по крайней мере по их словам), у меня отсутствовало напрочь. Помню, что маме всегда казалось, будто любые перемены в чем бы то ни было обязательно должны приводить к переменам в личной жизни, и несмотря на то, что, по сути, в личной жизни ничего никогда не менялось, у нее всегда было стремление к новой прическе или цвету волос, смене номера телефона, смене квартиры, в конце концов. Особенно это проявлялось после ссор, и было совершенно неудивительно видеть ее через пару дней уже блондинкой, говорящей: «Я перекрасилась, сменила номер телефона, и мы начинаем новую жизнь». Но, к сожалению, новая жизнь, судя по всему, не была осведомлена о том, что ей пора начинаться после изменения цвета волос, и через какое-то время все возвращалось на круги своя. Затем наступал очередной спад, кризис, новые связи, ссоры, затем короткая стрижка, которая в этот раз точно должна была изменить все, но это все так же упрямо не хотело меняться, как и в прошлые разы, и все повторялось снова и снова.

Думаю, именно с этим связана и наша частая смена квартир. Я помню постоянные возгласы матери о том, что она уже не может здесь жить, что это дурацкий двор, дурацкие соседи, нечищенные улицы зимой, лужи летом, грязь и собачье дерьмо весной, самый плохой район в городе, где одни наркоманы, что в центре невыносимо, и нужно куда-нибудь подальше, но это «подальше» скоро становилось паршивой окраиной, где пойти некуда и можно повеситься от скуки и так далее. Смена детских садов и школ для меня была явлением нормальным, вернее привычным, и если поначалу это доставляло, как это и должно быть в таких случаях, определенные, прежде всего моральные, неудобства, то в старших классах я относился к этому с полным безразличием. Мне было плевать на новых соседей, новых одноклассников, с которыми, разумеется, я не вполне ладил, новых учителей и вообще, пожалуй, на все. Я жил другими интересами, другими целями, в мире, в какой-то степени отгороженном от того, который меня окружал и только соприкасался с миром моим.

Справедливости ради следует сказать, что каждый человек, а тем более ребенок, живет в своей собственной реальности, но только теперь я понимаю: чем ближе человек к реальности действительной, вернее, чем лучше он умеет к ней приспособливаться, а не отгораживаться и переносить свое существование в мир иллюзий, тем большего успеха он добивается в жизни. Я смог понять это гораздо позднее, когда уже ничего нельзя было изменить. Но даже случись это осознание в свое время, оно не принесло бы ничего, кроме раньше наступившего разочарования и ощущения собственной никчемности.

А как в моем случае могло быть иначе? Пока они орали друг на друга на кухне, после того как мать снова пришла домой поздно вечером, лишь для поддержания хоть какой-то иллюзии существования семьи (иначе она бы не пришла совсем), я лежал в своей кровати в темноте, смотрел на тени на полу и стенах и думал о том, как хорошо было бы от них сбежать. Я строил целые планы, то представляя себя во взрослой жизни, то просто испытывая какой-то необъяснимый страх, что сердце мое сейчас остановится, отчего отчаянно прислушивался к собственному пульсу, словно желая убедиться, что еще жив. Как бы то ни было, все сводилось к нежеланию существовать среди них, в их мире, и даже тот детский страх смерти был скорее подсознательным желанием, на деле борющимся с природным стремлением организма к выживанию. Теперь я могу так рассуждать. Тогда же все это было сущим кошмаром.

Сцены, в которых я покидаю свою семейку, представлялись мне отчетливо, ярко и настолько часто, что сам факт ухода от них воспринимался мной как дело решенное и вопрос времени. Но думая об этом сейчас, я вряд ли с уверенностью могу сказать, что действительно хотел самостоятельности. Сейчас кажется, что больше я хотел того, чтобы они, родители, сожалели, что потеряли меня, и испытывали чувство вины. Кажется, что это довольно эгоистично, но дети и есть первые эгоисты, и как никто имеют право таковыми быть.

Глава 8

Папа мой был человеком своеобразным и неординарным. Его личность для меня, в сущности, так и осталась загадкой, и только некоторые факты, представляющие собой чужие воспоминания и кое-какие его записи, попавшие в мое распоряжение, позволяют составить о ней представление. Он профессионально занимался музыкой и кое-что писал, но больше для себя. Он играл на ударных в группе «К.», не настолько известной, чтобы хоть сколько-нибудь обширная публика могла знать о ее существовании за пределами нашего города. Говорили, что он обладал музыкальными способностями и мог играть на разных инструментах, но кажется, что для сцены и творчества намерено выбрал ударные из-за полного несоответствия образа барабанщика, жесткого и брутального, истинной своей натуре – мягкой и податливой.

Кто знает, может быть, этот образ и послужил причиной возникновения отношений между ним и моей матерью, падкой на «настоящих мужиков» (она любила эту фразу и часто употребляла ее впоследствии, чтобы обидеть отца, подчеркивая, что он к этой группе не относится). К тому же присущее ему безупречное чувство стиля в одежде и поведении всегда подкупало и вызывало расположение, подразумевая глубину личности и широкие перспективы. Поэтому неудивительно, что потребовалось совсем немного времени, чтобы, по иронии судьбы, именно он открыл и ощутил всю «глубину» своей новой подруги (моей матери), прежде чем она поняла, насколько его образ не соответствует ее внутреннему идеалу мужчины, который, я теперь уверен, сидит внутри каждой женщины и безжалостно сравнивает с собой всех проходящих мимо особей мужского пола.

А при таком положении дел, да еще узнав о своей беременности, она просто вынуждена была отчаянно искать в своем избраннике как можно больше сходств с ее внутренним идеалом мужчины, что, разумеется, превращалось в постоянную и суровую борьбу с собой. Сложно сейчас судить, почему она решила оставить ребенка, и мотивы здесь могут быть любыми, начиная от страха и заканчивая наказанием самой себя за глупость, но, оглядываясь назад и анализируя произошедшее впоследствии, я думаю, будет справедливо заключить, что лучшим вариантом из всех возможных было бы как можно раньше остановить это зарождающееся безумие, и прежде всего остановить зарождающуюся жизнь, несмотря на то что речь здесь идет обо мне самом. Но вышло что вышло, и можно только представить себе, что творилось в ее противоречивой душе, легко бросаемой из крайности в крайность, но вместе с тем самонадеянной, внушившей самой себе с детства существование этих сказочных героев, которые приходят, чтобы спасти красавицу-принцессу. Но на деле вместо сказочного принца появился барабанщик, который мало того что, как выяснилось довольно скоро, не походил на героя, но, как выяснилось чуть позднее, был слегка не от мира сего.

Здесь нет попыток оправдать ее поведение, тем более что для меня сам факт этого оправдания давно потерял всякую значимость; скорее, это попытка найти объяснения, что, по крайней мере, вызывает у меня интерес. К тому же оправдания здесь все равно не получится, потому что, я убежден, будь на месте моего отца кто-то другой, пусть трижды герой и «настоящий мужик» (до сих пор до конца не понимаю, что она вкладывала в это понятие, хотя употребляла его так часто), история бы в точности повторилась.

Воспитанная больше бабушкой и дедушкой (но все же преимущественно бабушкой ввиду дедушкиной слабохарактерности), чем собственными родителями, живущая в основном с ними, в их доме, могла ли она придумать для себя другую судьбу, кроме как ту, в которой сказочный принц придет и спасет ее? И, наверное, в какой-то мере каждая девочка мечтает о своем принце, но одно дело, если речь идет о воображаемой жизни с этим принцем, и совсем другое – если главным становится сам факт спасения, а все, что происходит после, остается без внимания. Что касается этой связи между детской мечтой и взрослой жизнью, то это только

предположение, но в случае с моей мамой, кажется, верное. Каждые ее отношения – это отношения до момента ее спасения принцем (если это можно так назвать). До этого «спасения» она совершенно точно знала, как нужно действовать, а вот что делать после, не имела ни малейшего понятия. Именно поэтому все ее последующее поведение было направлено на разрушение даже толком не созданного. Не исключено, что иллюзия семьи после брака с моим отцом, хотя и вполне официальная, в какой-то мере даже служила ей оправданием для заведения новых знакомств, потому как, исходя из ее логики, такая семья должна была восприниматься ею как неволя, из которой только спаситель поможет ей выбраться. Спаситель приходил, через какое-то время наступала кульминация, блаженство, а дальше, и очень быстро, – ступор, завершение, возвращение в свою неволю, ругань, страдание, желание все изменить, окрашивание волос в другой цвет и повторение всего с начала.

Надо ли говорить, что при таком положении дел разорвать отношения с моим отцом она не могла по той простой причине, что это противоречило бы созданной ею жизненной модели. Уверен, она понимала, даже если и не признавалась в этом самой себе, что в случае разрыва с отцом для нормального существования (а свое существование она считала нормальным, то есть единственно возможным, как это ни странно) ей придется создать точно такую же никуда не годную семью, чтобы снова ощущать неволю, снова искать спасителей и так далее.

Глава 9

Папа мой терпел такую жизнь и прежде всего такое отношение к себе, я думаю, только по одной банальной и потому совершенно идиотской в его положении причине: он ее любил. Разумеется, это лишь моя догадка, но, пожалуй, только этой причиной можно объяснить поведение, нормальному и логически мыслящему человеку не свойственное. И хотя логичность и нормальность – характеристики в случае моего папы притянутые, думаю все же, что, не любя он ее, ничто другое не могло бы заставить его находиться в том положении, в котором он находился: ни ребенок, ни какое-то совместное имущество (которого почти и не было), ни тем более общие средства для совместного существования. Единственным, что их сближало больше, чем что-либо другое, конечно, был ребенок, то есть я. Но здесь (хотя сам на себе я этого не ощутил, потому что детей у меня нет) я склонен верить людям, говорящим, что ребенок никогда не был серьезной причиной, чтобы удержать мужчину в семье. Для женщины, может быть, это более весомый фактор, хотя нередки случаи, когда женщина вместе с ребенком покидает мужа, в котором по той или иной причине перестала нуждаться.

Мама моя, с одной стороны совершенно не заинтересованная в отношениях с отцом с точки зрения чувств, но с другой – действуя в полном соответствии с собственной внутренней логикой (скорее всего, даже не отдавая себе в этом отчета), стремилась сохранить семью, и единственным логичным объяснением этого стремления, которое она преподносила при случае и отцу, и себе, и мне, был как раз ребенок, то есть я. И это было одной из тех вещей, которые относились к категории «из-за тебя». Я настолько рано понял, что она терпит все это, и моего никудышного отца в том числе, только из-за меня, что, кажется, понимал это с самого рождения. Из-за меня были эти дурацкие ссоры, ее испорченная жизнь, да и вообще все, что могло быть плохого, кажется, так или иначе сводилось ко мне, то есть к самому моему существованию. Справедливости ради, однако, надо сказать, что временами на нее находило что-то прямо противоположное, и она называла меня не иначе как «мой самый любимый мужчина», что, конечно же, не могло меня не радовать. Сейчас, несмотря на то что называла она меня так, только будучи в хорошем расположении духа, я расцениваю эту фразу как адресованную отцу, а не мне: с намеком, что даже мальчик – больший мужчина, чем он. Может быть, это с моей стороны надумано, но как еще можно объяснить смысл этой дурацкой фразы, если она употребляется применительно к сыну? Какое отношение к ребенку вообще может иметь это выражение, тем более произносимое моей матерью, знавшей, пожалуй, как никто другой, что такое мужчина и что он должен давать женщине?

Папа же мой, я уверен (потому что к настоящему времени сам проверил на себе все прелести действия этого отвратительного чувства и, кажется, понимаю его особенности), любил ее. Кажется, он любил ее в прямом смысле до безумия, до всепоглощающей страсти, до всепрощения. Людям, не испытывавшим ничего подобного, понять такое вряд ли возможно, поскольку это не поддается никакой логике и потому непостижимо с точки зрения разума. Пребывающий в таком состоянии человек, как последний дурак, ищет малейший повод для оправдания ее (или его, если речь идет о женщине) даже в самых очевидных ситуациях, сам себе не желая признаться в происходящем, даже если все факты налицо, а оправдание абсурдно. Я не могу помнить все детали, а потому рассуждаю больше абстрактно, но, кажется, если бы он ее не любил именно так, то ситуация разрешилась бы давно и иначе: он бы или ушел, или стал к ней равнодушным. Но на деле происходило третье: сцены ревности, с ее стороны сопровождаемые то оправданиями («ты опять сходишь с ума, ничего между нами нет, мы просто друзья»), то провокациями («ну давай же, сделай уже что-нибудь»), то до безобразия интимными подробностями («а знаешь, да, полчаса назад он трахал меня в задницу своим огромным членом, можешь легко проверить»). Иногда она просила прощения, казалось, со всей искренностью и

умением, присущим такого рода женщинам, и, я думаю, он ее прощал и наверняка сам себя за это ненавидел. И ее ненавидел. И любил.

Трудно осознать, что все это вообще было на самом деле.

Глава 10

Что касается работы, то я, как несложно было понять, находился в положении, слегка отдаленном от реальности, то есть был скорее наблюдателем, чем участником событий, а потому некоторые вещи, не только странные, но даже возмутительные для других, меня как будто обходили стороной: не потому, что не доставляли неприятностей, но потому, что мне не было до них дела. Но, возможно, это было и к лучшему с точки зрения того, что я мог в какой-то степени отрешенно наблюдать за всем со стороны, чтобы понять как можно больше подробностей происходящего идиотизма.

Я уже упоминал двух чудаков из нашего окружения, но, надо сказать, только ими все не ограничивалось, и если этих, как и некоторых подобных, можно было отнести к тихим и безобидным, то другие, и в особенности один, наш начальник, могли быть буйными и опасными.

Руководитель наш, личность весьма странная, скорее всего нашедшая себя и чувствующая себя комфортно в конце девяностых, когда, как говорят, «еще стреляли», теперь, кажется, судорожно пытался весь мир вернуть к тому состоянию, когда, по его мнению, было хорошо. Но мир почему-то мало заботился о его желаниях, двигался куда-то вперед, отдаляясь и отдаляясь, тем самым доставляя этому человеку, судя по всему, большие неудобства. Звали его Егор Алевтинович В. Уж не могу знать, как его папу угораздило получить такое имя, предназначенное, кажется, для женщин, но ощущение такое, что он наверняка имел по этому поводу комплексы, которые передались его сынку. Однако, может быть, дело было вовсе и не в этом, но в амбициях, которые в свое время не были до конца реализованы, а впоследствии шансов их реализовать становилось все меньше, и он это прекрасно понимал. Но, в отличие от людей более умных, вместо того чтобы попытаться перестроиться, он, как я уже сказал, пытался перестроить все вокруг себя. Вообще, такие личности, напоминающие героев-одиночек, этаких донкихотов, борющихся с ветряными мельницами, частенько встречаются и до сих пор, вызывая все большее недоумение у представителей молодого поколения, глядящих на них будто из-за непробиваемой стены (которой на самом деле, конечно, нет), чем, собственно, раздражают тех, прежних, еще больше. Тем не менее в то время, когда мы работали там, держался Егорка, как мы его ласково меж собой называли, еще весьма крепко, и для этого были вполне определенные основания.

Наверное, имеет смысл сказать несколько слов о жизни этой удивительной, по нынешним меркам, личности. Некоторые считали, что его поведение, со стороны кажущееся не всегда адекватным, было связано с тем, что, занимая некогда высокий пост с великолепными карьерными перспективами, он не сумел в какой-то ситуации успешно договориться с важными людьми, в результате чего был похищен его сын и выставлены требования, на которые он был вынужден согласиться. Говорят, именно тогда его психика и подверглась деформации, но я все же думаю, что тот случай мог лишь усилить его не полностью проявлявшие себя до поры до времени отвратительные черты характера. Не очень верится в то, что одно происшествие, пускай и такое ужасающее, могло превратить нормального человека в то дерьмо, каким он стал позже. В итоге сына ему вернули в обмен на его отказ от предлагаемой высокой должности. Через какое-то время, как и следовало ожидать, он уволился со своего поста, занимал какие-то более мелкие, хотя и достаточно высокие в глазах многих, должности, пока не докатился до нашей конторы.

Эти и некоторые другие подробности его жизни мне рассказал, вернее нашептал, как-то Перевогин, подвинувшись ко мне настолько близко, насколько позволяло его чувство приличия, которое, в свою очередь, этим вопросом, видимо, вообще не задавалось: казалось, что Перевогин не шептал, а лизал мне ухо. Но сама суть истории была интересна настолько, что я готов был перетерпеть и эту его близость, и отвратительный запах изо рта.

Положение Егорки в нашей конторе, надо сказать довольно весомое, для него, очевидно, было унижительным ввиду непомерно разившегося ранее самомнения, дикой потребности власти при весьма скромных масштабах организации: здесь просто негде было развернуться, чтобы проявить себя всецело, показать себя со всех сторон, в полной мере, во всю свою силу. И хотя курировал он всего три небольших предприятия, принадлежащие нашей компании, но делал это с такой же энергией, как в прежние времена, когда имел дело как минимум с тридцатью. Чертов безумец, он орал так, что, кажется, хотел докричаться до самых дальних окраин страны. Видимо, он то и дело забывал, что нет уже у него власти на тех окраинах, не осознавал, что сейчас уже не орут, как раньше, и упорно не хотел видеть будущее, в котором для таких, как он, места оставалось все меньше.

– Я тебе сейчас этот отчет в задницу засуну!!! Понял?! – визжал он на одном из совещаний.

– Ег-гор Ал-левтинович... Да мы... – заикаясь, мямлил подчиненный, который, кажется, уже наложил в штаны.

– Да хули вы?!! Уроды, бля!!! Если я вам сказал в прошлый раз, как надо делать, то так и надо делать!!!

– Так мы... Мы так и сделали...

– Да нихуя не могли вы так сделать, потому что вы не можете делать!!! Вы вообще ничего не можете делать!!! Импотенты, блядь, производственные!!!

В таком духе проходили совещания, жаркие и безобразные, с воплями, брызжащей слюной и уродливым, серым от гнева, лицом начальника – Егорки.

Временами, когда кто-то говорил ему действительно правильные вещи, которые могли охладить его беспричинный пыл и направить мысли в созидательное русло, казалось, находило на него какое-то просветление, и он как будто ненадолго задумывался. Но потом, словно опомнившись, приступал к беспощадной и совершенно нелепой критике, повышал голос все сильнее и сильнее, как бы раззадоривая самого себя, доводя свое состояние до какого-то безумного исступления, куража, превращая таким образом все происходящее в театральное представление. Это был театр одного актера, а он дошел до такой степени деградации, что был в первую очередь актером, а потом уже всем остальным.

Ему ничего не стоило назначить подчиненному аудиенцию, а самому куда-нибудь уйти. В таких случаях приходилось этому подчиненному потом многое выслушивать и много оправдываться из-за того, что встреча не состоялась, несмотря на то что вины подчиненного здесь не было никакой: начальник ведь сам ушел. Однажды в такой ситуации оказался я сам, и в назначенное время стоя перед запертой дверью, подумал, что поступлю разумно, если ему позвоню. В ответ я услышал возглас негодования: «Я тебе что, слуга, чтобы тебя ждать?!»

Трудно было точно понять, что творится в голове у этого человека, как и трудно было найти к нему подход. Есть мнение, и надо сказать, мнение научное, принадлежащее весьма известному психологу, что нормальный в психическом отношении человек при принятии решений всегда рационален. По сути это означает, что, достаточно изучив человека, можно довольно точно предсказать его поведение в том или ином случае – если это человек нормальный. Так, например, мама моя легко могла прогнозировать поведение моего отца, по крайней мере до определенной степени, зная, как можно его по сильнее поддеть и какого результата ожидать, равно как и он мог определить, чем она занималась, прежде чем пришла домой, по каким-то признакам, может быть другим неясным, и это было для него поводом затеять скандал. Точно так же со временем я смог предугадывать реакции Маши на те или иные слова и действия, Перевогина, который оказался предсказуемым до безобразия, да и вообще всех в той или иной мере соприкасающихся со мной людей, с тем лишь отличием, что поведение одних я прогнозировал более точно, других – менее. И я полагаю, что такой прогноз имеет

значение не столько даже как инструмент умышленного воздействия, но важен прежде всего для нормального общения.

Пожалуй, Егор был единственным из окружающих меня людей, предвидеть реакции и поступки которого не удавалось – и, судя по всему, не только мне, но и вообще никому. Лишь факт того, что он занимал высокую должность, никак не соответствовал логическому выводу, неизбежно исходившему из общения с ним: в психическом отношении он был нездоров.

Глава 11

Смотрел я на этого человека, заняв, как я уже говорил, отстраненную позицию наблюдателя, как на пережиток дурацкого прошлого, как на забавный и в то же время нелепый экспонат, от которого представители общества современного, то есть молодые люди, особенно те, что моложе меня, шарахались как от какого-то чужеродного тела, понимая, что прикасаться к такому, с одной стороны, опасно, с другой – бессмысленно.

Несколько позже судьба ненадолго свела меня с одним человеком по имени Георгий (или, как он называл себя, Джордж). Он не имел никакого отношения ни к месту, где я работал, ни к городу, где я жил, ни тогда уже даже к стране, потому что еще до нашей встречи эмигрировал за границу и вполне успешно работал там в крупной и уважаемой организации. Несмотря на все эти, казалось бы, разъединяющие факторы, в ходе нашего разговора обнаружилась одна общность, и, надо сказать, весомая: Егорка. Человек этот, Джордж – весьма образованный, говорящий на нескольких языках, отличный специалист, неплохо устроившийся в жизни, – в каком-то смысле был благодарен Егорке, хотя едва мог подобрать приличное слово в его адрес. Говорил он уже с легким акцентом, и, когда услышал в разговоре со мной упоминание о Егоре Алевтиновиче, протянул слегка на английский манер:

– А... Да-а... Зна-аю этого...

И после небольшой паузы, как будто собравшись, добавил уже без всякого акцента:

– ...урода.

Вообще, когда доходило до обсуждения жестких, конкретных и эмоциональных тем, акцент у Джорджа пропадал напрочь, а речь становилась чисто русская – наполненная, грамотная и гладкая, независимо от того, употреблялись в ней крепкие выражения или нет. А знал он Егорку, как выяснилось, потому, что какое-то время назад работал в той самой организации, где Егора Алевтиновича должно было ожидать большое будущее, и, хотя не состоял у него в подчинении, благодаря своим выдающимся способностям был Егором замечен, и потребовалось совсем немного времени, чтобы для Джорджа были созданы совершенно невыносимые условия. Он вынужден был уволиться, место его занял какой-то недоумок, и Егор, надо понимать, был страшно рад такому развитию событий, которое сам и спровоцировал. Однако в результате случая с похищением сына эта радость, как и все другие радости, перестали иметь всякий смысл: психика Егора тронулась окончательно.

Разумеется, история с похищением никак не афишировалась, как и информация о последующем его лечении в психиатрической клинике. Но если в подлинности первой истории я могу быть уверен абсолютно, так как помимо сплетен об этом были и вполне официальные упоминания в тогдашних газетных новостях о вопиющем случае в крупнейшей государственной компании, то что касается второй – все покрыто мраком, и не исключено, что информация о психбольнице является не более чем выдумкой, придуманной и распространенной одним из его многочисленных недоброжелателей на радость остальным. Как бы там ни было, мое мнение таково: этот человек заслужил и тех событий, и тех слухов.

Наивный и верящий в закон обыватель мог бы усомниться в правдивости истории о сумасшествии Егора и его лечении, поскольку этому не было документальных подтверждений. Но тот, кто смотрит на вещи реально, прекрасно понимает, что все на свете относительно легко покупается и продается, даже сумасшествие. Психа действительно могли после какого-то лечения отпустить, а документы уничтожить, как будто бы ничего не было вовсе, и для этого имелись очень веские причины: нахождение на учете у психиатра, независимо от диагноза и эффективности лечения, фактически ставило крест на его карьере в любой более-менее серьезной организации. А Егор так просто сдаваться, само собой, не хотел.

– Не иначе, загрузили его каким-то психотропным дерьмом пару раз... Как один мой знакомый психиатр говорит: тронутый на буксире... Они же циники... У них это означает, что пациент, ну, двинутый, находится под действием психотропных препаратов, бутирата, кажется... Ну вот, пару раз его накачали, отпустило его временно, выписали... А там, с его деньгами... Короче, могло быть и так: полечился, и никто про это не знает теперь...

Так рассуждал Джордж во время нашего разговора. Сам же он, по прошествии значительного времени после увольнения, относился к произошедшему с Егором философски, без злорадства, скорее как к закономерности, о которой иногда уместно говорят: «собаке собачья смерть». Но только собака была еще жива.

Вообще говоря, я считаю, что личность Егора Алевтиновича едва ли заслуживает и трети того внимания, которое я ей уже уделил (хотя он наверняка был убежден, что про него должны писать книги), но вышло так, что ему суждено было стать одной из ключевых фигур этой истории, а потому представление о нем как о личности и некоторые сведения о его прошлом необходимы для понимания последующих отвратительных событий, связанных с ним. Кстати, насчет его убеждения о книгах: если разобраться, эта история в том числе, а может быть и прежде всего, о нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.